

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗНАНИЯ

Буряк В. В., преподаватель кафедры философии

§ 1. *Alma mater*: рождение европейского университета

Существование и всестороннее внедрение знания рационального дискурса, присущего европейской культуре, во многом определялись благодаря существованию и развитию такой научно-педагогической всеевропейской институции как университет.

"Средневековый университет был основой того университета, какой нам известен сегодня, многие из наиболее известных современных университетов - в Болонье, Оксфорде, Праге - несут на себе остаток непрерывной, или почти непрерывной традиции, имеющей своим истоком Средние века..." [8, 45].

Учреждения, подобные средневековому университету, уже существовали ранее, в античную эпоху. Можно в этой связи упомянуть Пифагорейский союз, Александрийский Мусейон (*Museion*) при Птолемеях, Афинскую академию, существовавшую в течение почти что тысячи лет и сформировавшиеся по ее образцу научные школы в римско-эллинистическую эпоху в Риме, Лионе, Ниме, именовавшиеся "афинями" (*atheneum*). Джон Ньюман, например, считает, что древняя библиотека в Александрии была основополагающим прецедентом происхождения университета [8, 110].

Однако эти античные формы образования и научной деятельности отличались от университетов целым рядом признаков, которые не позволяют установить непосредственную преемственность их. Во-первых, античные учебные заведения являлись достаточно локальными и аристократическими учреждениями в отличие от университетов с присущими им достаточно унифицированными программами обучения и неотъемлемым принципом демократизма как для преподавателей, так и для учащихся. Во-вторых, античные формы передачи знания от учителя к ученику весьма часто зависели от степени личной привязанности и преданности, а также определенной степени эзотеричности, царивших в этих заведениях, что было совершенно необязательно в университетах. В-третьих, фигура учителя, "схоларха", представляла патриархальную традицию, непосредственно связанную с этико-ритуальным комплексом отношений, где принцип личного доверия и патерналистской опеки иногда доминировал над научными результатами. Ректор же средневекового университета, особенно на первом этапе его развития, выбирался в основном из студентов (правда были ограничения социального, имущественного и возрастного порядка: аристократическое происхождение, возраст 22-25 лет).

Самым главным отличием средневекового университета от античной академии было то, что университет пользовался полной автономией, под покровительством папы и императора существуя как государство в государстве, с массой льгот и привилегий для членов университетской корпорации. В 1158 году император Фридрих Барбаросса издал указ о том, что все те, «кто из-за научных интересов покинули свою родину, оказывались под его особым покровительством» [3, 753]. Указ императора Священной Римской Империи был, по существу, охранной грамотой для всех студентов, где бы они ни учились, при том что они могли менять место учебы много раз по своему усмотрению, свободно перемещаясь по странам Европы.

Высшие научные школы, претендующие на историческое первенство, существовали также в раннесредневековой Византии. Однако их по той же причине, что и античные заведения, нельзя приравнивать к независимым, автономным, демократическим, интернациональным, динамично развивающимся университетам Западной Европы. Их теологическая однонаправленность и жесткий церковно-государственный контроль способствовали усилению догматизму и они утратили постепенно светский характер.

Первым в Западной Европе был основан университет в г. Болонья. Возникшая еще в XI веке высшая правовая городская (т.е. отделенная от церкви) школа в 1155 г. получила статус уни-

ерситета. «Один из наиболее древних университетов - Болонский - имел полное основание считать первым годом своего существования 1155 г., когда в скромной обстановке на берегах Рено от имени императора Фридриха Барбароссы была объявлена его организация» [7, 48]. За ней следует высшая медицинская школа в Салерно, Парижский университет (1215), Кэмбриджский (1209), Пражский (1349), Венский (1365), Гейдельбергский (1385) и многие другие. Итальянские и французские (особенно Парижский) университеты были образцами для подражания и формирования университетов в других странах.

Сам термин *universitas* означал первоначально «целостность», «совокупность». Например: *universitas rerum* - совокупность всех вещей; *universitas* - вселенная. Термин *universitas litterarum* означал «все отрасли наук», буквально, «совокупность всех книжных знаний», в отличие от практических знаний (ремесла, военное дело, торговля).

В то же время слово *universitas* означало также «товарищество», «купеческая гильдия», «цех», «коммуна» (*universitas civium* - «городская коммуна»). Поэтому союз, «цех» преподавателей и учеников представлял своего рода «научный цех», «гильдию ученых и учеников», *universitas magistrorum et scholarium* или *universitas studentium* («товарищество преподавателей и учащихся») или же одним словом *studentes* (учителя, учащиеся). Впрочем встречаются и такие словосочетания как *magistri et discipuli* («учителя и ученики»), означавшие собственно корпорацию с особыми выборными органами самоуправления и большими привилегиями. В конце XII в. - начале XIII в. товарищества, корпорации учителей и студентов стали именоваться просто *universitas*, т.е. «университетами». Но вначале, формальная, легитимная и организационная структура университетов была калькой цеховой организации.

«По средневековым понятиям только в корпорации, гильдии, цехе горожанин получал законное существование, а папская или императорская грамота давала ему защиту во всем христианском мире» [3, 753].

Первые университеты все же в большой степени еще были зависимы от власти католической церкви, поэтому все члены корпорации еще долго именовались «клириками» (*clerici*), т.е. теми, кто непосредственно, организационно входит в церковную организацию.

Зависимость от церковной организации университетских учреждений имела все же и положительное влияние на их развитие. Папа не только давал разрешение и «грамоту», своего рода «лицензию» на открытие университета, но он всячески поощрял самостоятельную хозяйственную деятельность учебных заведений. В конфликтах университетов и местных властей Римский папа почти всегда был на стороне университетов, что способствовало все большей их экономической и административной автономии. Уже на раннем этапе создания университетов это проявлялось достаточно определенно в юридическом аспекте их деятельности. «При основании или преобразовании *studii generalis* городская община заключает договор с корпорацией иностранных схолахов [школяров] как государство с государством [освобождение от налогов, освобождение от военной обязанности и др.]» [3, 753].

К тому же, именно папа санкционировал единообразную систему организации университетов и выдачи ученых степеней, что способствовало их высокому авторитету, благодаря чему эти степени пользовались общеевропейским значением. Кроме того, преподавание и методология знания во всех университетах были единообразны, чему способствовала единая латинская терминология, ведь предметы преподавались на едином языке римско-католической церкви - латыни. Именно латынь, единая структура преподавания и были тем полем знания, которое обеспечило единообразие и формальную строгость схоластического дискурса с его системой аргументации, терминологической базой, аристотелевской силлогистикой, рациональной структурой римского права.

Правда, нужно отметить, что университеты были не единственно формой высшего образования. Существовали и развивались также частные городские школы с компетентными преподавателями, ничем не уступавшими университетским профессорам. Однако, благодаря

Несмотря на географические особенности и различия социально-экономического порядка, в XII веке духовно-религиозная и интеллектуальная жизнь Западной Европы образует одно целое (вплоть до конца XV века). В плане развития научной и образовательной системы в этом интеллектуальном движении лидировали несомненно Италия и Франция. Например, в Германии *studia generalis* возникает лишь в XIV веке по образцу итальянских и французских университетов, да и то под явным давлением извне.

Университеты на севере Европы появились гораздо позже. Копенгагенский университет был основан в 1478 г. Первоначально Копенгагенский университет планировалось создать по образцу Болонского, но поскольку преподавателей пригласили из Кельнского университета, то и структура именно этого университета стала основополагающей. В отличие от большинства католических университетов в Копенгагенском с самого начала его основания было предусмотрено равенство всех четырех факультетов.

Почти сто лет спустя после своего основания Копенгагенский университет становится достаточно известным и уважаемым учебным заведением. Однако с постепенным падением престижа теологического факультета и неясностью перспектив экономически выгодного трудоустройства, количество студентов и преподавателей из аристократической среды резко уменьшается. Этому во многом способствовала Реформация, усилившая кризис пореформационного образования, в том числе и в университетах. В этом отношении характерна сентенция лундского каноника К. Педерсена: «Зачем отдавать детей в Университет? Теперь они все равно не станут прелатами или канониками. Лучше уж покупать им поместья, учить торговле или любому делу, которое сможет их прокормить» [Danmarks historie, bd6, s. 153, цит. по 2. 166]. Такая ситуация подтверждается и статистическими данными. «В Копенгагенском университете в 1539 - 1565 гг. из 53 профессоров 18 были иностранцами, 12 - выходцами из села, 16 - из провинциальных городков, 2 - из пасторских семей. Согласно новейшим исследованиям, доля дворян среди студентов стала ничтожно малой» [2., 168]. Несмотря на то, что в Европе Нового времени повсеместно растет удельный вес естествознания, в датских университетах в XVII веке наряду с естественными науками повышается роль таких дисциплин, как право, история, иностранные языки, особенно французский. На философском факультете вводят этику, историю, географию.

Но все эти нововведения будут гораздо позже, когда Ренессанс и Реформация «пробьют брешь» в радио-теологическом дискурсе, являвшемся интеллектуальной осью всей средневековой культуры, о чем весьма метко сказал Иоанн Солсберийский (1115-1180), выдающийся представитель Шартрской школы: *Littera sordescit, logica sola placet* (Словесность унижена, лишь логика в почете). Апофеоз рационализма, о котором говорил Иоанн, сменился в поздней схоластике расцветом мистицизма (Мейстер Эккхард, Ян Рюисброк, Иоганн Таулер, Генрих Сеузе). «Схоластический колосс», *sacra theologia* не выдерживает собственной «тяжести». Терминологическая масса начинает превышать все разумные пределы системы рационального знания. «Завершенная трудами Фомы Аквинского система теологии подверглась всевозрастающей критике уже в первой половине XIV в. со стороны приверженцев номинализма (Оккам), с одной стороны, и теологов-мистиков, отрицавших возможность постижения бога рациональным путем и отводивших всю эту проблематику в русло мистики (Эккхард), с другой» [1, с.209]. Рафинированный рационализм схоластов привел также к тому, что литературный стиль (метафоры, риторические фигуры и проч.) стал деградировать, поскольку единственной целью ученых, теологов и философов становилось извлечение «рационального зерна», причем последствия этого гиперрационализма сказывались и на последующей стадии развития гуманитарного знания. «Поэтико-риторическая литература древних была в загоне, ценились лишь философские, научные труды. Это одностороннее господство рационалистических наук влекло за собой ... полное равнодушие к стилистической и словесной форме ... то же явление мы наблюдаем позже в школьном языке Кантовской или Гегелевской философии: все дело в сути, в мысли, а форма безразлична» [5, 39].

классического канонического текста тем или иным преподавателем. Текст книги раздавался предварительно студентам перед данной лекцией.

Второй составной частью процесса образования в стенах университета был диспут (*disputatio*). Собственно говоря, *disputatio* - это не только и не столько спор о тезисах и отдельных понятиях, сколько способ исследования определенной проблемы, а *disputator* - это не только тот, кто спорит, рассуждает, но это еще и «исследователь» [4, 177].

Если лекции были основаны на пассивном восприятии знаний и активизировали главным образом память, то диспуты должны были способствовать актуализации воспринятого и усвоенного на лекциях и носили часто творческий характер, где формально признавался закон интеллектуального равенства всей аудитории, несмотря на «ранги». В магистерских диспутах, независимо от того, на каких факультетах они проходили, принимал корпоративное участие весь факультет. Дело обстояло следующим образом. «Кто-либо из магистров выставлял тезы; присутствующие опровергали их (*arguere*, отсюда «аргументация») по порядку построенными аргументами; задача же диспутатора состояла в том, чтобы разбить эти аргументы, доказав или их внутреннюю логическую несостоятельность, или противоречие их с общепризнанными принципами. На диспутах учебного характера студенты упражнялись в этих же двух вещах - в защите и опровержении положений, что представлялось, конечно, очень целесообразным приемом для развития активности мысли и давало привычку держать всегда знания наготове» [5, 27].

И содержательно, и формально процесс получения знаний был достаточно жестко регламентирован. «Учащийся проходил курс избранного им факультета в строго установленном порядке: чтобы иметь право по истечении положенного срока представиться к экзамену, он должен был прослушать в указанной последовательности указанное число определенных лекций и быть участником определенного числа диспутов» [5, 27]. После того, как испытуемый сдавал этот экзамен, он становился обладателем первой ученой степени - звания бакалавра (*baccalarius*). Далее цикл лекций, диспутов и слача очередного экзамена повторялись, но по усложненной программе, и присваивалась новая ученой степени «магистра» (*magister*) или доктора (*doctor*), причем обычно «магистр» работал на более «низких» факультетах, а «доктор» - на высших.

Формальная поступенчатая система была на первый взгляд весьма эффективной. Однако все без исключения знания, усваиваемые на лекциях и диспутах и демонстрировавшиеся затем на экзаменах, были чисто академическими, никоим образом не связанные с реальными профессиональными навыками. Если мы возьмем два типа знаний, имеющих место в философии Аристотеля, «теоретическое» (*theoria*) и «практическое» (*praxis*), то первое было гипертрофировано, а второе игнорировалось. В результате, покидая *alma mater*, выпускник оказывался «книжным человеком» (*homo literatus*), часто не способным решать какие-либо практические задачи. Стоит отметить, что вплоть до XVII в. выпускники медицинского факультета не занимались лечением. Относительно Копенгагенского университета XV - XVII вв. достоверно известно следующее. «Знания давались исключительно теоретические, даже бывшие студенты-медики практикой не занимались: больных в Дании лечили исключительно цирюльники, костоправы, знахари, повивальные бабки, как в средние века» [2, 168]. Большая масса средневековых студентов довольствовалась лишь философским факультетом (*facultas artium*) и получением степени *baccalarius artium*.

Содержание, форма и методы формирования знаний в различных университетах Европы были отличными друг от друга, иногда весьма.

Одной из главных интеллектуальных ценностей, неотъемлемых от факта существования университета, является культивирование принципа рационального мышления [8, 50]. Это предполагает свободу интеллектуального исследования и независимость от какой бы то ни было идеологии. Можно с уверенностью утверждать, что знание рационального дискурса своим существованием во многом обязано системе университетской науки, сложившейся в Средние века.

Средневековый университет в отличие от церковных или даже городских школ обладал большой самостоятельностью, выборы ректора могли завершиться избранием на этот пост даже

какого-нибудь студента [5, 25]. Особенно развиты были демократические принципы в XII-XIII вв. в Италии. Неудивительно поэтому, что именно там, где повсеместно присутствовал культурно-политический полицентризм, и возникли первые формы светского знания. «Понятие «полицентризм» включает в себя не просто множество реально самостоятельных центров, но предполагает их разнообразие и высокий уровень развития культуры» [6, 62]. Своеобразие итальянских университетов заключалось в том, что формирующаяся модель университетского знания опиралась в равной мере как на старое, античное культурное наследие, так и на «новый рационализм» аристотелевского образца, причем в создании университетов огромную роль играли коммуны, а вовсе не институты католической церкви.

Особенно славилась своими университетами Италия, куда съезжались студенты даже из славянских стран. Наиболее известными были университеты Винченцы (1260), Арrezzo (1335), Падуи (1301), Сиены (1246), Реждио (1276), Перуджи (1301), Рима (1303), Тревизо (1318), Флоренции (1348), Пизы (1338). Этим список итальянских университетов не исчерпывался.

Одним из старейших университетов Италии и Европы был университет в городе Сиена. «Сиенский университет как и многие другие итальянские высшие школы фактически был организован властями коммуны. 12 июля 1275 г. Общий совет Сиенской коммуны постановил открыть в городе Высшую школу для обучения гуманитарным наукам (ит. *Studio generale per le lettere*) [7, 44]. Здесь следует отметить, что публичная школа коммуны, открытая для всех (*studio generale*), отличалась во многом от частной школы (*studio particolare*). В университет записывались учащиеся (*scolari* и *studenti*). На конкурсной основе и за приличную плату приглашали лекторов (*dottori, maestri*).

Как известно, образование в средневековых городских школах и университетах имело по преимуществу гуманитарный характер, и особенно это относится к Италии. Но никакое серьезное образование никак не возможно без «текстов», без первоисточников и учебников. Впервые в истории Европы тотальная сеть книгопользования для учебных целей, своего рода библиотечная инфраструктура была основана именно в итальянских городах. «Специфическим видом хозяйственной и культурной жизни университетского города было создание «станций» (*stationes*), где во многих экземплярах хранились пособия для университетских школяров. Владельцы этих своеобразных лавок-библиотек (*stationarii*) предоставляли студентам на время или продавали такие пособия» [7, 46]. Безусловно, что «станции» имели не только культурную, но и коммерческую функцию в бурно развивающейся социально-экономической жизни Италии эпохи Ренессанса.

§ 3. *Literce divinitas u literce humaniores*: противостояние дискурсов

В это время намечается и «специализация» университетов, их деление на светские и богословские. Разделение предметов на «светские» (*literce humaniores*) и «божественные» (*literce divinitas*) имело место уже издавна в средневековой культуре.

Это было связано с тем, что естествознание в XIV-XV в.в. еще находилось в тени схоластики, эмансипация от теологической догматики началась именно благодаря «возрождению» интеллектуального климата античности в его гуманитарном измерении. Это проявлялось в скрупулезном исследовании *literce humaniores* «светских текстов». Сами термины *literce humaniores* и *literce divinitas* уже использовались в зрелой схолистике, чтобы отделить «подлинные» авторитетные тексты (*divinitas*) от комментариев и прочей литературы, созданной человеком (*humaniores*) вне непосредственного влияния «божественного вдохновения». В схолистике *divinitas* и *humaniores* это две противоположные в онтологическом плане сферы.

«Считается, что университеты светского направления ... выросли из муниципальных школ, а университеты богословского направления из школ монастырей и капитулов» [7, 44]. Но, скорее всего, нужно говорить о влиянии школ определенного типа, нежели о простом перерастании школ в университеты.

Несмотря на географические особенности и различия социально-экономического порядка, в XII веке духовно-религиозная и интеллектуальная жизнь Западной Европы образует одно целое (вплоть до конца XV века). В плане развития научной и образовательной системы в этом интеллектуальном движении лидировали несомненно Италия и Франция. Например, в Германии *studia generalis* возникает лишь в XIV веке по образцу итальянских и французских университетов, да и то под явным давлением извне.

Университеты на севере Европы появились гораздо позже. Копенгагенский университет был основан в 1478 г. Первоначально Копенгагенский университет планировалось создать по образцу Болонского, но поскольку преподавателей пригласили из Кельнского университета, то и структура именно этого университета стала основополагающей. В отличие от большинства католических университетов в Копенгагенском с самого начала его основания было предусмотрено равенство всех четырех факультетов.

Почти сто лет спустя после своего основания Копенгагенский университет становится достаточно известным и уважаемым учебным заведением. Однако с постепенным падением престижа теологического факультета и неясностью перспектив экономически выгодного трудоустройства, количество студентов и преподавателей из аристократической среды резко уменьшается. Этому во многом способствовала Реформация, усилившая кризис пореформационного образования, в том числе и в университетах. В этом отношении характерна сентенция лундского каноника К. Педерсена: «Зачем отдавать детей в Университет? Теперь они все равно не станут прелатами или канониками. Лучше уж покупать им поместья, учить торговле или любому делу, которое сможет их прокормить» [Danmarks historie, bd6, s. 153, цит. по 2. 166]. Такая ситуация подтверждается и статистическими данными. «В Копенгагенском университете в 1539 - 1565 гг. из 53 профессоров 18 были иностранцами, 12 - выходцами из села, 16 - из провинциальных городков, 2 - из пасторских семей. Согласно новейшим исследованиям, доля дворян среди студентов стала ничтожно малой» [2., 168]. Несмотря на то, что в Европе Нового времени повсеместно растет удельный вес естествознания, в датских университетах в XVII веке наряду с естественными науками повышается роль таких дисциплин, как право, история, иностранные языки, особенно французский. На философском факультете вводят этику, историю, географию.

Но все эти нововведения будут гораздо позже, когда Ренессанс и Реформация «пробьют брешь» в радио-теологическом дискурсе, являвшемся интеллектуальной осью всей средневековой культуры, о чем весьма метко сказал Иоанн Солсберийский (1115-1180), выдающийся представитель Шартрской школы: *Littera sordescit, logica sola placet* (Словесность унижена, лишь логика в почете). Апофеоз рационализма, о котором говорил Иоанн, сменился в поздней схоластике расцветом мистицизма (Мейстер Эккхард, Ян Рюисброк, Иоганн Таулер, Генрих Сеузе). «Схоластический колосс», *saera theologia* не выдерживает собственной «тяжести». Терминологическая масса начинает превышать все разумные пределы системы рационального знания. «Завершенная трудами Фомы Аквинского система теологии подверглась всевозрастающей критике уже в первой половине XIV в. со стороны приверженцев номинализма (Оккам), с одной стороны, и теологов-мистиков, отрицавших возможность постижения бога рациональным путем и отводивших всю эту проблематику в русло мистики (Эккхард), с другой» [1, с.209]. Рафинированный рационализм схоластов привел также к тому, что литературный стиль (метафоры, риторические фигуры и проч.) стал деградировать, поскольку единственной целью ученых, теологов и философов становилось извлечение «рационального зерна», причем последствия этого гиперрационализма сказывались и на последующей стадии развития гуманитарного знания. «Поэтическо-риторическая литература древних была в загоне, ценились лишь философские, научные труды. Это одностороннее господство рационалистических наук влекло за собой ... полное равнодушие к стилистической и словесной форме ... то же явление мы наблюдаем позже в школьном языке Кантовской или Гегелевской философии: все дело в сути, в мысли, а форма безразлична» [5, 39].

Но этот же рациональный схоластический дискурс не позволял средневековому типу знания «растаять» окончательно в аллегориях, символах и метафорах экзальтированной мистики, которая все больше активизировалась в конце средних веков. К тому же, стиль аргументированного рационального по форме доказательства способствовал выработке абстракций все большего порядка (несмотря на то, что многие из них были пустыми понятиями). А такие категории, разработанные в схоластике, как «субстанция», «материя», «атрибут» и многие другие, достаточно долго (вплоть до XIX века) были весьма операциональны в рамках европейской метафизики. Здесь же можно упомянуть и о предпосылках математической логики и феноменологической философии XX века.

Примечания

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. – М.: Наука, 1987. – 348 с.
2. Возгрин В.Е. Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV - XVII в.в.) // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 152-181.
3. Готлиб А. Университеты [В Западной Европе] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб, 1902. – Т.68.- с. 751-788.
4. Латинско-русский словарь. Сост. Г. Шульц. – 4-е изд. – СПб, 1877, - 606 с.
5. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. - М., 1908. – 333 с.
6. Петров М.Т. Итальянский полицентризм и культура XIII-XVI в.в. // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 52-74.
7. Рутенбург В.И. Университеты итальянских коммун // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 43-51.
8. Pelican J. The Idea of the University. A Reexamination. – New Haven and London. Yale University Press. 1992. – 238 p.